

Швачка Анастасия Павловна
магистрант,
Крымский филиал федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»,
г. Симферополь, Россия

РАЗГРАНИЧЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы разграничения административной и уголовной ответственности за деяния, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Анализируется юридическая природа двух видов публично-правовой ответственности и их соотношение в системе российского права. Раскрывается содержание института административной преюдиции как нормативного механизма перехода от административного к уголовному реагированию при систематическом нарушении установленных запретов. Показано значение количественного признака предмета посягательства, во многом определяющего вид ответственности, а также качественных критериев разграничения. Анализируется дискуссия о допустимости декриминализации отдельных деяний и оценивается ее обоснованность в условиях высокой общественной опасности наркопреступности. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования в части устранения коллизий и обеспечения единообразного правоприменения. Делается вывод о необходимости сохранения четкого соотношения административных и уголовных санкций при последовательном соблюдении принципа дифференциации ответственности.

Ключевые слова: административная ответственность; уголовная ответственность; разграничение ответственности; незаконный оборот наркотических средств; психотропные вещества; административная преюдиция; декриминализация; правоприменительная практика; КоАП РФ; УК РФ.

Abstract. The article examines the issues of delimitation between administrative and criminal liability for acts related to the illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances. The legal nature of the two forms of public liability and their interrelation within the Russian legal system are analyzed. The content of the institution

of administrative prejudice as a normative mechanism for transition from administrative to criminal response in case of systematic violation of established prohibitions is disclosed. The importance of the quantitative criterion of the subject of the offense, which largely determines the type of liability, is shown, as well as the qualitative criteria of delimitation. The discussion on the admissibility of decriminalization of certain acts is examined, and its substantiation is assessed in the context of high public danger of drug crime. Proposals are formulated for improving legal regulation in terms of eliminating conflicts and ensuring uniform law enforcement. The conclusion is drawn on the need to maintain a clear correlation between administrative and criminal sanctions while consistently observing the principle of differentiated liability.

Keywords: administrative liability; criminal liability; delimitation of liability; illicit trafficking of narcotic drugs; psychotropic substances; administrative prejudice; decriminalization; law enforcement practice; Code of Administrative Offenses of the Russian Federation; Criminal Code of the Russian Federation.

Сфера противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ относится к числу тех направлений правового регулирования, где административно-деликтные и уголовно-правовые нормы соприкасаются настолько тесно, что выбор между двумя видами публично-правовой ответственности нередко зависит от десятых долей грамма изъятого вещества либо от истолкования оценочных признаков состава. Подобная взаимосвязанность отраслей превратилась в характерную особенность российской антинаркотической модели и одновременно в источник постоянных квалификационных трудностей, с которыми сталкиваются как сотрудники полиции при первоначальном оформлении материалов, так и судьи при последующем рассмотрении дел соответствующей категории [15, с. 25].

Статистические показатели последних лет наглядно свидетельствуют о масштабе явления. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации в стране ежегодно выявляется около ста семидесяти девяти тысяч преступлений, сопряженных с незаконным оборотом наркотических средств, что составляет приблизительно десятую часть общего массива зарегистрированных преступных посягательств [1, с. 26]. Параллельно органами внутренних дел рассматривается значительный объем дел об административных правонарушениях, прежде всего по статьям 6.8, 6.9, 6.13, 6.16, 20.20 и 20.22 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Сопоставление этих двух массивов позволяет утверждать, что административно-правовое реагирование на наркотические нарушения отнюдь не уступает по своему количественному выражению уголовно-правовому, а в ряде сегментов даже превосходит его [12, с. 361].

Параллельное существование двух систем публично-правовой ответственности в одной и той же предметной области порождает закономерный

вопрос о критериях, на основании которых конкретное деяние относится либо к административному правонарушению, либо к преступлению. Ответ содержится в действующих нормах материального права и оформлен в виде совокупности количественных и качественных признаков. Количественный признак привязан к массе изъятого вещества и определяется на основании постановления Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 года № 1002, закрепившего значения значительного, крупного и особо крупного размеров применительно к каждому конкретному наркотическому средству, психотропному веществу либо их аналогу [11, с. 17]. Качественный признак выражается в направленности умысла, в цели совершения деяния, в способе действия и в субъектном составе [5, с. 121].

Количественный критерий выступает первичной демаркационной линией между шестой главой Кодекса об административных правонарушениях и двадцать пятой главой Уголовного кодекса. До границы значительного размера хранение, приобретение и перевозка соответствующих веществ для собственного потребления влекут административную ответственность, а превышение указанного порога автоматически переводит деяние в плоскость уголовного преследования. На первый взгляд подобное решение законодателя выглядит технически четким и удобным для правоприменителя, однако практическое его воплощение далеко от идеала [6, с. 334]. Малейшее отклонение в результатах химической экспертизы, ошибка в методике взвешивания, обстоятельства учета сухого либо влажного вещества способны привести к тому, что одно и то же фактическое поведение получит принципиально различную правовую оценку. Подобная зависимость уголовной репрессии от точности лабораторного оборудования вызывает обоснованные дискуссии в юридическом сообществе и заставляет постоянно совершенствовать ведомственные методики производства экспертиз [9, с. 59].

Качественный критерий разграничения обнаруживает себя в случаях, когда количественный признак не способен дать однозначного ответа. Речь идет о делах, связанных с приготовлением к сбыту, с пересылкой, с организацией притонов, а также со склонением к потреблению. Перечисленные деяния влекут уголовную ответственность независимо от размера предмета посягательства, поскольку их общественная опасность определяется не массой изъятого вещества, а самим характером противоправной деятельности [7, с. 32]. Аналогичная логика применяется при квалификации действий, совершенных в составе организованной группы, с использованием служебного положения, с применением информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» либо в местах массового скопления людей. Возрастающая роль электронных площадок и анонимных каналов сбыта потребовала от законодателя оперативного реагирования и закрепления квалифицирующих признаков, отражающих специфику современных способов распространения запрещенных веществ [14, с. 97].

Сходные по содержанию запреты в административном и уголовном законодательстве, различающиеся интенсивностью применяемых санкций,

образуют отдельную группу сложных для квалификации ситуаций. Классическим примером служит сопоставление статьи 6.9 Кодекса об административных правонарушениях, предусматривающей ответственность за потребление наркотических средств без назначения врача, с обсуждаемыми в науке предложениями о криминализации повторного публичного потребления. На стыке этих норм возник один из ключевых институтов современного российского права, а именно административная преюдиция, рассматриваемая в доктрине как нормативный механизм межотраслевого характера и одновременно как своеобразный адаптер, позволяющий плавно переходить от административного воздействия к уголовному при систематическом неприятии правонарушителем мер административной репрессии [4, с. 58].

Сущность административной преюдиции в антинаркотической сфере состоит в том, что повторное совершение лицом однородного правонарушения в течение определенного периода времени после привлечения к административной ответственности признается уже преступлением. Применительно к рассматриваемой области речь идет о потенциальной конструкции уголовно наказуемого деяния, объективная сторона которого совпадает с диспозицией статьи 6.9 либо статьи 20.20 Кодекса об административных правонарушениях, а признаком, переводящим деяние в уголовно-правовую плоскость, выступает факт ранее наложенного административного наказания. На сегодняшний день Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации содержит более пятнадцати составов, построенных по преюдициальной модели, и постепенное расширение этого числа отражает общее направление уголовной политики государства, в том числе в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков [4, с. 59].

Конституционно-правовое обоснование института было дано Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 10 февраля 2017 года № 2-П. Высшая судебная инстанция указала на то, что повторное совершение лицом однородных административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности административно-правовых средств для эффективного противодействия таким деяниям, что в совокупности с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимого основания для криминализации соответствующих действий [4, с. 60]. Указанная правовая позиция стала идеологическим фундаментом для последующего расширения преюдициальной модели и в полной мере применима к сфере незаконного оборота наркотических средств, поскольку именно в этой области повторяемость правонарушений демонстрирует устойчивую тенденцию.

Сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства подтверждает обоснованность отечественного подхода. Уголовное законодательство Республики Беларусь предусматривает ответственность за публичное потребление наркотических средств, совершенное в течение года после привлечения к административному взысканию за аналогичное деяние, и устанавливает наказание вплоть до ограничения свободы на срок до двух лет. Уголовный кодекс Республики

Молдова закрепляет ответственность за публичное незаконное употребление наркотиков, при этом признак публичности раскрывается через перечень мест, в которых соответствующее деяние получает повышенную общественную опасность. Французский законодатель занимает наиболее жесткую позицию, предусматривая за незаконное употребление наркотиков лишение свободы на срок до десяти лет, а корейский законодатель устанавливает наказание в виде лишения свободы до пяти лет за употребление опиума либо инъекции морфина [4, с. 60–61]. Подобный международный контекст показывает, что криминализация немедицинского потребления наркотических средств представляет собой устойчивую мировую тенденцию, и российский опыт смешанного административно-уголовного реагирования находится в общем русле развития мировой антинаркотической политики.

Правильное определение объекта посягательства не менее значимо для разграничения видов ответственности. Объектом административных правонарушений рассматриваемой группы выступают общественные отношения, обеспечивающие здоровье населения, санитарно-эпидемиологическое благополучие и общественную нравственность. Уголовно-правовая охрана распространяется на ту же группу общественных отношений, но с расширением круга объектов за счет общественной безопасности и установленного порядка оборота особо опасных предметов [2, с. 198]. Совпадение базового объекта при различии в дополнительных создает дополнительные сложности для правоприменителя и требует тщательного анализа каждого конкретного состава, что заметно проявляется в сфере противодействия использованию информационно-телекоммуникационных сетей для распространения запрещенных веществ.

Дискуссия о допустимости декриминализации отдельных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, остается одной из наиболее острых в науке. Сторонники либерализации указывают на негативные последствия чрезмерной уголовной репрессии, на расширение криминогенного окружения осужденных, на ухудшение положения членов их семей и на необходимость движения в сторону медицинской модели реагирования. Противники декриминализации обоснованно ссылаются на высокую общественную опасность наркопреступности, на ее лидирующее положение в структуре преступности, на сохраняющуюся численность лиц, страдающих наркотической зависимостью, которая по официальным данным составляет более четырехсот пятидесяти тысяч человек, а также на устойчивую долю лиц, управляющих транспортными средствами в состоянии наркотического опьянения [12, с. 363]. Сопоставление аргументов обеих сторон позволяет заключить, что декриминализация хранения наркотических средств в существующих социально-экономических условиях представляется преждевременной и потенциально опасной для общественной безопасности.

Сфера дорожного движения иллюстрирует исследуемое разграничение с наибольшей очевидностью. Управление транспортным средством в состоянии

наркотического опьянения первоначально влечет административную ответственность по статье 12.8 Кодекса об административных правонарушениях, тогда как повторное совершение того же деяния либо причинение в его результате тяжкого вреда здоровью образует состав преступления, предусмотренный статьями 264 и 264.1 Уголовного кодекса. Указанная преюдициальная конструкция демонстрирует, насколько органично административное и уголовное регулирование могут сочетаться в одной сфере при условии последовательного применения принципа дифференциации ответственности и точного выдерживания материально-правовой границы между двумя видами публично-правового реагирования.

Самостоятельным направлением, влияющим на эффективность разграничения, выступает институт уголовно-правового компромисса. Примечания к статьям 228 и 228.3 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривают освобождение от уголовной ответственности при добровольной сдаче наркотических средств и активном способствовании раскрытию преступления, что фактически создает третий путь правового реагирования, расположенный между административным наказанием и применением уголовной санкции [8, с. 76]. Подобный механизм стимулирует деятельное раскаяние, способствует выявлению иных, более тяжких преступлений и одновременно обеспечивает рациональное использование ресурсов системы уголовной юстиции, что прямо корреспондирует общему направлению политики дифференциации публично-правовой ответственности.

Контрабандный канал поступления запрещенных веществ ставит перед правоприменителем самостоятельный круг квалификационных задач, решаемых на стыке таможенного, административного и уголовного законодательства. При перемещении через таможенную границу значимыми становятся не только количественные характеристики груза, но и способ сокрытия, наличие умысла на дальнейший сбыт, использование специальных контейнеров и средств маскировки. Указанные обстоятельства позволяют четко отграничить административную ответственность за нарушение таможенных правил от уголовно наказуемой контрабанды наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров [13, с. 268].

Качество правоприменительной деятельности существенно влияет на эффективность разграничения. Многочисленные ошибки, допускаемые на стадии возбуждения дела об административном правонарушении либо уголовного дела, на практике приводят к тому, что лицо, фактически совершившее преступление, привлекается лишь к административной ответственности, и наоборот, к уголовной ответственности привлекаются лица, действия которых по своему характеру и общественной опасности соответствуют признакам административного правонарушения [10, с. 110]. Подобные ошибки порождают необходимость в постоянном совершенствовании квалификационных навыков сотрудников полиции, в актуализации разъяснений Пленума Верховного Суда Российской

Федерации и в выработке единообразных подходов к производству предварительной проверки сообщений о наркотических правонарушениях.

Решение обозначенных проблем видится в нескольких взаимосвязанных направлениях. Первое направление состоит в дальнейшей формализации количественных границ значительного, крупного и особо крупного размеров применительно к новым видам синтетических веществ, в том числе к новым потенциально опасным психоактивным веществам, появляющимся в результате модификации химической структуры известных наркотиков. Второе направление связано с продуманным расширением института административной преюдиции на повторные деяния, связанные с публичным потреблением наркотических средств, что позволит реализовать постепенный переход от мягких мер административного воздействия к более суровым уголовно-правовым средствам [3, с. 75]. Третье направление заключается в унификации терминологического аппарата Кодекса об административных правонарушениях и Уголовного кодекса, поскольку существующие текстуальные расхождения в формулировках сходных по содержанию запретов создают почву для процессуальных споров и для подрыва принципа правовой определенности.

Подводя итоги, разграничение административной и уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в условиях современной правоприменительной практики представляет собой одну из наиболее значимых задач уголовно-правовой и административно-деликтной политики российского государства. Поддержание оптимального баланса между двумя видами публично-правовой ответственности, последовательное применение количественного и качественного критериев разграничения, продуманное использование института административной преюдиции и взвешенный подход к перспективам декриминализации либо криминализации отдельных деяний позволят обеспечить эффективное противодействие наркопреступности при одновременном соблюдении конституционного принципа справедливости и недопустимости чрезмерной уголовной репрессии.

Список литературы:

1. Баранов, А. А. К вопросу о состоянии и противодействии преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в Российской Федерации и некоторых зарубежных государствах / А. А. Баранов, Е. А. Соломатина // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 5. – С. 24–30.
2. Безверхов, А. Г. Об объекте преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ, в международном и российском законодательстве / А. Г. Безверхов, И. Ю. Беляев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 10(98). – С. 196–205.

3. Грудинин, Н. С. Некоторые направления уголовно-правовой политики России в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ / Н. С. Грудинин // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2023. – № 2(100). – С. 72–78.

4. Денисова, А. В. Уголовно-правовая профилактика наркотических преступлений с помощью института административной преюдиции / А. В. Денисова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2021. – № 1(42). – С. 57–62.

5. Дмитриенко, П. И. Уголовная ответственность за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / П. И. Дмитриенко, С. И. Захарцев // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 5. – С. 119–124.

6. Ковалев, И. Д. Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / И. Д. Ковалев // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 12. – С. 332–340.

7. Куликов, А. В. Особенности квалификации преступного посягательства, предусмотренного статьей 228 Уголовного кодекса Российской Федерации / А. В. Куликов, О. А. Шелег // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2023. – № 2. – С. 29–38.

8. Мальков, С. М. Уголовно-правовой компромисс в противодействии наркопреступлениям / С. М. Мальков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2022. – № 1(46). – С. 74–80.

9. Незнамова, З. А. Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / З. А. Незнамова // Вестник Гуманитарного университета. – 2021. – № 3(34). – С. 57–61.

10. Огарков, А. В. Проблемные вопросы, возникающие при рассмотрении уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотиков / А. В. Огарков // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2023. – № 4(51). – С. 108–113.

11. Пронина, Е. Л. Особенности правового регулирования оборота наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ в Российской Федерации / Е. Л. Пронина // Научный компонент. – 2022. – № 1(13). – С. 14–24.

12. Сергиенко, Н. Б. Декриминализация отдельных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: за и против / Н. Б. Сергиенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 3. – С. 359–365.

13. Цемержинская, А. В. Меры по противодействию контрабанде наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в рамках осуществления таможенного контроля на территории Российской Федерации / А. В. Цемержинская, И. А. Вишняков, В. В. Цоголова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 5-3(68). – С. 266–270.

14. Чуманов, А. С. Проблемы противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей / А. С. Чуманов // Киберпреступность: риски и угрозы: материалы Всероссийского студенческого круглого научно-практического стола с международным участием, Санкт-Петербург, 11 февраля 2021 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2021. – С. 96–99.

15. Щукин, Е. А. История развития уголовного законодательства России об ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов / Е. А. Щукин // Science Time. – 2021. – № 2(86). – С. 24–29.